

Понимает ли она, что он симпатичный?

задалась вопросом Минджу. Молодой человек был симпатичным. Несмотря на то, что его лицо было скрыто за кепкой и солнцезащитными очками, она могла видеть, что он весьма привлекательный мужчина. Его длинные ноги, талия, как у леопарда, плечи, как у медведя, и низкий баритональный голос создавали все условия для настоящего мужчины.

Для эгоистки Минджу Ёнсук выглядел не как девушка, страдающая от травматических воспоминаний о похищении, а как придирчивая и чувствительная девушка. Когда кто-то гладил ее по голове или касался щеки, она рыдала, как будто умерла ее мать. Но на этот раз она бросилась прямо в объятия незнакомца.

Минджу знала об обстоятельствах, связанных с Ёнсук. Она знала, что ее похитили и сделали донором органов. Она не возражала. Ну и что? Она могла просто использовать девушку в своих интересах. Она утешала и уговаривала плачущего ребенка всеми способами. Не прошло и трех дней, как Ёнсук разрешила Минчжу остаться рядом с ней.

Когда я в последний раз слышала такой низкий, тяжелый голос?

Неосознанно она облизала свои губы, покрытые красной помадой.

губы.

Мусанг обнял Ёнсук и достал носовой платок, чтобы вытереть ее слезы и сопли. Ее слабое сердцебиение напомнило ему фиалку, распутившуюся между камнями. Какая милая и прекрасная девушка! Кто посмеет вырвать у нее сердце?

Десять пар глаз продолжали смотреть на него. Что они сделали, чтобы попасть в такой ад? Почему мир стал таким? Несправедливость, насмехающаяся над здравым смыслом, начала наполнять Мусанга гневом. "Тебе было страшно, Ёнсук?".

"Да!"

"Ты все еще боишься?"

Поле помех окутало ребенка.

"Нет, не боюсь!"

"Ёнсук - хорошая девочка".

Мусанг погладил Ёнсук по щекам и жестом указал на сгрудившихся детей.

"Идите сюда! Вы тоже!"

раздался мягкий, как весенний ветерок, голос. Подобно тому, как осеннее солнце питает урожай, а ветер колышет поле, чтобы посевы избавились от вредителей, этот голос сочувствовал их израненным душам и обнимал их.

Дети смотрели на лица друг друга. 'Он хороший человек!' Они обменялись знающими взглядами. Они выбежали к нему.

Заплаканные лица, испуганные глаза, подергивающиеся хвостики ртов, как будто они в любой момент готовы разрыдаться, - они выглядели как олененок, едва избежавший когтей тигра.

Они достигли возраста, в котором должны вести себя избалованно. Но вместо этого страх приручил их принять отставку. Они были такими печальными душами.

"Простите, что я опоздал".

Мусанг крепко обнял каждого из них. Эти дети были похожи на цветы тыквы, которые могут лишь робко распуститься на стене после захода солнца. Смогут ли они когда-нибудь преодолеть свою травму? Мусанг чувствовал себя так, словно его сердце пронзила пуля.

"Ах!"

тихо воскликнул Гим Гыкдо. Неоспоримая харизма и теплота. Теперь детям было на кого опереться. Им было кому рассказать о чем-то. У них был кто-то, кого можно побаловать. Он немного завидовал детям в объятиях этого человека.

Если бы он встретил этого человека в том же возрасте, все могло бы сложиться иначе. 'Кореец! Когда кто-то закричал, вскоре последовали камни. Он не боялся, и его удары были жалающими. Когда японские дети набрасывались на него, у него не было возможности победить. Его мать плакала, намазывая его кровоточащую голову пастой из перебродивших бобов, как домашним средством. Его отец беспомощно вздыхал.

Его называли бездомным, потому что его семья не могла приготовить ему обед. Ему не с кем было поговорить, не говоря уже о том, чтобы положиться на кого-то. Его отец рассказывал, как им пришлось сдать все столовые приборы и столовое серебро и разогревать суп из сосновых шишек резными деревянными ложками.

Всякий раз, когда он слышал такие истории от своего отца, он чувствовал, как внутри него разгорается пламя негодования. Его отец говорил, что не задумывается об испытаниях своего сына, поскольку сам жил подобным образом. Этот человек не был беспомощным, вздыхающим существом, как его отец. Этот человек был могущественным, суверенным богом, которым он мечтал стать сам.

Люди затаили дыхание от неожиданного поворота событий.

Люди в солнцезащитных очках, которые вежливо попросили о сотрудничестве, превратились в злобных монстров с кожаными битами. Были ли эти люди другими членами банды? Пытались ли они использовать другую уловку? Недоумевающие взгляды устремились на Муссанга. Мусанг встретил эти взгляды своими собственными, спокойными, как глубокое озеро.

"Некоторые из вас, возможно, поняли, что это место - ад. Некоторые из вас, возможно, нет. Не пытайтесь ничего узнать. Если вы знаете, то намерены забыть".

"Кто вы, сэр?"

Мужчина лет сорока прервал его. Муссанг посмотрел на него. Он выглядел как человек, который работает один день, чтобы прожить один день. Может быть, торгаш.

"Почему вы здесь?"

"Было трудно жить. И вот, наконец, я пришел заложить одну из своих почек". "Как вы нашли это место?"

"Я увидел объявление в туалете на Восточном вокзале Тэгу".

"Что?"

Что он сказал? Мусанг оглянулся на Гим Гыкдо.

"Информаторы расклеили стикеры по общественным туалетам в стране. Когда кто-то звонит, увидев объявление, информатор выясняет его данные и привозит сюда".

"Это вызывает дрожь".

Муссанг покачал головой. Они сами похищали жертв, но они также устанавливали паутину, чтобы жертва могла сама войти в нее. Они были похожи на вампиров. Ему было жалко жертв, попавших в паутину, но в то же время он не мог понять, как человек, не являющийся инвалидом, может добровольно продавать свои органы. Это было абсурдно. То же самое он чувствовал по отношению к тем, кто приходил продавать свою кровь. В мире случается всякое, но как они могли так обесценить свое тело?

"Сколько вы собирались получить за почку?"

"Два миллиона вон".

"Ты рисковал своей жизнью ради такой суммы?"

"Все знают, что нам нужна только одна почка, чтобы выжить".

Мужчина похвастался своими прекрасными знаниями. Незнание действительно привело к слепой храбрости. Мусанг оглядел присутствующих.

"Я скажу вам коротко. Это место не является ни центром социального обеспечения, ни больницей. Вы находитесь в зале ожидания. Вы еще не вошли в сам ад.

Когда вы войдете в операционную, у вас заберут все жизнеспособные органы, а ваше тело измельчат и выбросят или похоронят. То же самое с донорской кровью. Это не переливание крови. Это замена крови. Вся ваша кровь в вашем теле будет высосана".

"Может ли это быть?"

Лицо мужчины побледнело. Он чувствовал, что что-то не так с вибрациями этого места. Но такого он не ожидал.

"Это безумие!"

"Что-то пахнет рыбой". "Я пришел, потому что за кровь дают хорошие деньги!"

"Тогда что это за место?"

"Кто ты?"

Люди закудахтали, как неистовые лягушки в зарослях поздней весной. Мусанг прищелкнул языком. Он объяснил. Если они не понимали, это было на их совести.

"Ведите себя тихо. Вам не нужно знать, кто я или это место. Вы только что вышли из пасти смерти. Твои предки, должно быть, присматривают за тобой. Это место скоро снесут. Всем есть куда идти?"

"Нет!"

крикнул И Минчжу. Мусанг посмотрел на И Минчжу холодным взглядом.

"Я не такой, как эти люди. Завтра мне нужно ехать в Японию с этой девушкой. Кто ты такая, чтобы портить мне бизнес?"

"Что за тупая сука!"

Гим Гыкдо, вежливо стоявший со сцепленными руками позади Мусанга, оскорбленно шипел. Если эта женщина когда-нибудь попадет в больницу Суидобаси, она "сдаст" всю свою кровь реципиенту и встретится с Буддой".

Мусанг тоже был в замешательстве. Он спас от смерти бесчисленное множество людей, но никогда не встречал таких, как Минджу, которые протестовали. Люди почти не менялись. Прошло восемь лет, но Минджу оставалась такой же эгоистичной и эгоцентричной, как и раньше.

"Вы мать этой девушки? Сомневаюсь. Какая мать приведет свою дочь в ад?"

"Заткнись! Похоже, ты хочешь стать героем, но ты пришел не по адресу. Ёнсук, иди сюда!"

Я Минджу, у которой закончился запас слов, с яростным взглядом настаивала на своем.

"Нет! Я ненавижу тебя!"

крикнул Ёнсук.

"Эта жалкая девчонка!"

"Мне все равно, поедешь ты в Японию или нет. Так почему она должна быть принесена в жертву ради твоего бизнеса?"

"Это не твое дело!"

крикнул я Минджу.

"Она знает, в чем дело?"

ошеломленный Мусанг спросил у Гим Гыкдо.

"Я вкратце рассказал ей, когда она подписывала контракт. Она не знала, что у нее сразу отнимут всю кровь и бросят на корм свиньям".

"Что?"

Лицо Минджу побледнело. Она подписала контракт, в котором говорилось, что она будет сдавать кровь четыре раза в течение шести месяцев. Она никогда не слышала об этом.

"Тупая сука. Контракт заключается между людьми. Ты просто стала их добычей. Неужели ты до сих пор этого не знаешь?"

Мусанг ударил ее достаточно сильно, чтобы не поранить. Он терпел до сих пор, потому что она

все еще была матерью Хё Ёна, но он не мог больше смотреть на ее лицо.

"Аргх!"

Кровь хлынула изо рта Минчжу.

"Мерзкая сука. Ты продала свою дочь за власть, а теперь хочешь продать ребенка за деньги. Я хочу свернуть тебе шею, но не могу заставить себя".

"Продала мою дочь? Кем может быть этот человек?"

Это была последняя мысль, которую она зарегистрировала, когда ее сознание померкло.

Мусанг суровым взглядом оглядел собравшихся. Безжалостная метель бушевала в подвале, который, казалось, был наполнен весенним ветерком.

"Вам есть куда идти?"

Никто не сделал ни шагу вперед. Мусанг оглянулся на Гим Гекдо.

"Господин, территорию охраняют собаки. Если они будут просто существовать, то умрут".

"Я позаботился об этом".

Собаки, напуганные материализовавшимся убийственным намерением, остались сидеть в своих конурах.

"Понятно."

Гим Гыкдо, всегда читающий по воздуху, достал из-под одежды пачку купюр. Он уже успел разгадать наклонности своего нового хозяина, Мусанга. Быть помощником было нелегко.

"Отнеситесь серьезно к своим недавно заработанным жизням. Это место скоро превратится в пепел. Уходите отсюда как можно скорее. Если вы хотите встретиться с Мрачным Жнецом или быть избитыми сторожевыми собаками, то можете издавать много звуков".

Гим Геукдо предупредил их и раздал деньги людям. Лишь немногие сказали спасибо. Большинство вышло из подвала, бросив взгляд на Мусанга.

В подвале остались только потерявшая сознание Минчжу, десять детей и Ёнсук на руках у Мусанга.

"Господин, они очень неблагодарны. Вас это не беспокоит?"

"Это всего лишь еще один мимолетный момент. Затем я следую прихоти своего сердца. Сбросьте привязанности!"

Мусанг был равнодушен. Они тоже были "Мисераблями". Они были выброшены на обочину жизни в обществе, где царила чрезмерная конкуренция. Неудивительно, что они потеряли доверие и веру. Они были погружены в тревогу и сомнения, что Мусанг, возможно, лжет. Луна кажется меньше горы, потому что гора закрыта, а луна дальше. Зрение обманывает. Масса должна просто жить так. Даже душа огромного асура не была узнана и забыта. Ему не было дела до их душ. Он поступал так, как ему было угодно. Это уже было вне его сознания.

"Я благодарю тебя за прекрасный урок".

Гим Гекдо глубоко поклонился.

"Я должен позаботиться об этом месте. Где измельчитель корма?"

"Я закопал ее за зданием".

"Пойдемте. Вы, дети, подождите здесь".

"Я хочу пойти с тобой".

"Мне страшно!"

Дети прижались к Мусангу со слезами на глазах.

"Я понимаю".

Мусанг шел впереди, дети следовали за ним, как утята. Гим Гыкдо взглянул на И Минчжу, который потерял сознание и последовал за Мусаном и детьми. Мусанг не был слишком добрым человеком. Гим Гыкдо не понимал, почему его хозяин оставил бесстыжую женщину одну.

Надземное пространство было ярко освещено луной. Мусанг вдыхал свежий воздух до тех пор, пока его легкие не готовы были разорваться, и смотрел на небо. Полумесяц, который через два дня должен был стать полнолунием, был прижат к середине неба. Громко стрекотали ранние сверчки.

Фары ослепили глаза детей. Гим Гыкдо на мгновение исчез и вернулся за рулем автобуса. Мурай и У Бомсок были вытащены из автобуса.

"Аргх!"

узнав их лица, закричали дети. Девочки начали хныкать. Мусанг посмотрел на Гим Гыкдо.

"Мурай - педофил. У Бомсок - садист. Они причиняют детям много боли".

"Их грехи действительно ошеломляют. С другой стороны, они не боятся тебя".

"Я пожалел их".

Мусанг кивнул. Это был своего рода стокгольмский синдром. Запуганные дети, должно быть, полагались на Гим Гекдо, который заботился о них.

"Я откопаю машину".

Гим Гыкдо подтолкнул его и шагнул вперед. Мусанг поднял руку.

"Это продлится более тысячелетия. Дети не должны быть свидетелями этого. Так что посадите их в автобус".

"Понятно."

Гим Гыкдо взял Ёнсук у Мусанга, и дети сразу же сели в автобус. Мусанг протянул две руки, задал координаты и сосредоточил телекинетическую силу. Это уже не удивляло Гим Гыкдо.

Бог был способен на все. Он ловко потянул за кабель и снабдил машину страстью. Затем он включил рубильник. Ролики шлифовальной машины начали вращаться друг против друга.

<http://tl.rulate.ru/book/75373/2166287>